

9. Сухих И. Поэт в зеркалах / И. Сухих // Звезда. – 1999. – № 4. – С. 219-228.
10. Сухих И. Н. Книги 20 века : Русский канон : Эссе / И. Н. Сухих. – М. : Изд-во «Независимая Газета», 2001. – 352 с.
11. Хализев В. Е. Родовая принадлежность произведения / В. Е. Хализев // Введение в литературоведение. – М. : Высш.шк., 2000. – С. 328-336.

Summary. The article deals with the genre features of V.Nabokov's novel «The Gift». Provided genre content, genre analysis of the dominant, basic motives. Special role narrative strategies and chronotope of the novel, discussed their relationship and hierarchy. Highlights of the individual style of the writer, and the relationship with the literary tradition.

Key words: V.Nabokov, genre, style, genre content, the dominant, chronotope, literary tradition.

УДК 821.161.1 – 1 “19”

Е.С. Лавриненко

БРЮСОВСКИЕ ОБРАЗЫ И РЕМИНИСЦЕНЦИИ В ДОЭМИГРАНТСКОЙ ЛИРИКЕ В. ХОДАСЕВИЧА

У статті досліджується тематична послідовність та поетична полеміка, що втілює своєрідність поетичних концепцій світу, створених в художніх системах таких ключових поетів кінця 19 – початку 20 століття, як В. Брюсов та В. Ходасевич. Предметом аналізу є виявлення оригінальності функціонування брюсовських образів та ремінісценцій у доемігрантській ліриці Ходасевича.

Ключові слова: інтертекст, естетика символізму, поетична картина світу, виродження людини.

Важной особенностью эстетики модернизма в начале XX века стало появление оригинальных поэтических концепций мира и человека. Проблема активности личности, преобразующей мир или конфликтующей с ним, стала основным предметом рассуждений многообразных литературных направлений эпохи «серебряного века».

Эксперименты модернизма оказали заметное влияние на поэтическое творчество как на мэтра русского символизма В. Брюсова, так и В. Ходасевича, его младшего современника. В период становления творческого метода Ходасевича, в условиях неоформленности его собственных поэтических концепций, создаваемая им картина мира была тесно связана с наследием символизма, при этом ряд смыслообразующих мотивов и образов, функционирующих в его доэмигрантской лирике, корреспондируют к поэзии Брюсова.

Проблема не столько личных взаимоотношений, сколько творческого диалога таких знаковых фигур поэзии начала XX века, как В. Брюсов и В. Ходасевич, хотя и привлекала внимание исследователей творчества поэтов [1; 2; 8; 9], но так и не стала объектом отдельного исследования. Требуется более детальный анализ точек соприкосновения поэтических взглядов на мир и человека в этом мире, чтобы определить преемственность и расхождения во взглядах поэтов.

Личные взаимоотношения Брюсова и Ходасевича складывались весьма неоднозначно [8], но взаимный интерес этих мастеров слова к творчеству друг друга не угасал. Систематически появлявшиеся критические отзывы и рецензии, которыми Брюсов реагировал на творческую эволюцию Ходасевича, свидетельствуют о несомненном интересе мэтра символизма к появлению новых тем в поэзии своего младшего собрата по перу. Рецензируя дебютный сборник Ходасевича «Молодость», Брюсов отметил «остроту переживаний», оценил безупречный художественный вкус поэта, отметив, однако, что стихи Ходасевич пишет «как все их могут писать в наши дни» [4, 264]. Брюсов обратил внимание на резкое несоответствие между названием книги и ее содержанием: «Тон старческого бессилия пронизывает всю эту книгу, озаглавленную «Молодость», эти стихи порой ударяют больно по сердцу, как горькое признание, сказанное сквозь зубы и с сухими глазами» [3, 20].

Впоследствии каждый новый сборник Ходасевича удостоивается оценки Брюсова. В книге «Счастливый домик» (1914 г.) критиком было отмечено «родство» стихов с пушкинской школой и в то же время «совершенно современная острота переживаний» [3, 20]. Книга стихов «Тяжелая

лира» получила нелестную оценку. Брюсов констатировал, что стихи Ходасевича больше всего похожи на пародии стихов Пушкина и Баратынского: «автор все учился по классикам и до того заучился, что уже ничего не может, как только передразнивать их» [7, 616]. В рецензии книги отмечена архаичность поэтического языка Ходасевича. Это противоречило тем требованиям, которые предъявлял Брюсов и к своему творчеству, и к поэтам современникам. Самым важным требованием его всегда был аспект новизны, он считал, что «дело поэта быть современным до последнего предела».

В свою очередь Ходасевич, пристально следя за творчеством Брюсова, с 1913 до периода эмиграции опубликовал ряд рецензий на работы Брюсова. В них он называл Брюсова «истинным зачинателем» символизма [11], определяя его вклад в «создание идеального мира». Рецензируя сборники Брюсова «Зеркало теней» и «Семь цветов радуги», Ходасевич отметил их новизну и своевременность, о чем, по мнению критика, свидетельствовали новые темы, образы и способы выражения.

Именно эта особенность брюсовской лирики привлекла Ходасевича и в его поэзии появились точки соприкосновения с лирикой Брюсова. У поэтов выявляется ряд общих тем. Среди них ключевая для лирики Ходасевича проблема умирания и воскрешения зерна (круговорот жизни и смерти); тема черного города, которую начал Брюсов («Juvenilia», «Шедевры», «Семь цветов радуги», «Конь блед» и т.д.), а Ходасевич продолжил, показав в своем цикле «Европейская ночь» не только город, но и людей, живущих в нем. В поэзии Ходасевича можно отметить многочисленные эпиграфы и реминисценции из стихов Брюсова, умение использовать и сильные, и слабые стороны его поэзии, особенно отчетливо это отразилось в стихотворении Ходасевича «На седьмом этаже (Подражание Брюсову)» (1915).

Поскольку в рамках одного исследования не представляется возможным охватить все тематические и образные переключки многогранной лирики этих мастеров поэтического слова, остановимся на выявлении брюсовских образов и реминисценций в доэмигрантском творчестве Ходасевича.

Первый поэтический сборник Ходасевича «Молодость» (1908), создавался под непосредственным влиянием наследия символизма. При этом поэт опирался на ранние поэтические опыты своих старших современников.

В цикле «В моей стране» рождается образ мира, отражающий юношеский пессимизм автора. В этом мире с течением времени не происходит обновления:

В моей стране – ни зим, ни лет, ни вёсен,
Ни дней, ни зорь, ни голубых ночей.
Там круглый год владычествует осень,
Там – серый свет бессолнечных лучей

[12, 61].

Центральной проблемой цикла является омертвление мира («Я к вам пришел из мертвенной страны») и вырождение человека («В моей стране уродливые дети / Рождаются, на смерть обречены»). Данная проблема реализуется через комплекс мотивов. Уже в первом стихотворении «В моей стране» появляются мотивы окаменения, сухости, пыли, пепла, песка, символизирующие неплодородность земли и бесплодность человеческих усилий. Именно в этом стихотворении впервые возникают ключевые в творчестве Ходасевича образ сеятеля и мотив зерна. В ранней лирике поэта они характеризуют ту уродливую, мертвящую действительность, где сеятель не возделывает поля, а бессмысленно «втаптывает зёрна» в сухую пыль.

В диалогические отношения со стихотворением Ходасевича «В моей стране» вступает одноименное стихотворение В. Брюсова, написанное год спустя после выхода в свет сборника «Молодость». Оно вошло в книгу «Зеркало теней», отмеченную оптимистическим, мажорным настроением. Смысл своего стихотворения Брюсов комментировал следующим образом: «Под этим не надо разуметь Россию: я имею в виду страну моей души, ”страну моей поэзии“» [6, Т.2, 403]. Брюсов рисует совсем другой образ мира, полемизируя с Ходасевичем. Уже первые строки стихотворения мэтра русского символизма корреспондируют к стихотворению его младшего современника. В «стране» лирического героя Ходасевича «круглый год владычествует осень», лишённая ярких красок, сеющая «серый свет бессолнечных лучей». В «Моей стране» Брюсова осень несёт успокоение, мир полон ясности, небесный свод – «как купол, увенчавший храм». В стихотворении Ходасевича «печален страданный день», «сухую пыль соха со скрипом роет», деятельность людей безрадостна и бесперспективна. Брюсов создаёт альтернативный образ действительности: здесь «жгучие зарницы» стерегут влюбленных, «и собран хлеб, и скошен луг», человеческий труд вознаграждён достойными плодами. Этот мир, столь дорогой герою, после жатвы погружается в «зимний сон», а не вымирает, как в стихотворении Ходасевича. У последнего восприятие действительности глубоко трагично, мир его произведения безнравственен и обречён, так же, как и люди, населяющие его:

А женщины, в игре постыдно-блудной,
Открытой всем, все силы истощив,
Беременеют тягостно и нудно
И каждый год родят, не доносив»

[12, 61].

Действие в цикле «В моей стране» происходит в вечернее или ночное время («тайной ночью», «опять во тьме», «по темным площадям»), либо во время «серого рассвета», «сумрака предрассветного», который в контексте стихотворений Ходасевича вовсе не является символом пробуждения и обновления. Иногда время события акцентируется в названии: «В сумерках», «Ночи». Тем самым подчеркивается мрак, безысходность, серость, трагичность бытия.

Название «Молодость» логически должно было бы предвосхищать радостные, весенние настроения. Однако в ранних стихах Ходасевича преобладает другое время года – осень. Царствуя над миром, она всё окрашивает в грустные, ностальгические тона: клики поздних журавлей, потускневший скошенный луг, опавший лист, серый рассвет, безмолвную мудрость полей. Характерно перевоплощение земной хмурой реки в потустороннюю «реку забвения».

В черновиках 1905 – 1908 годов Ходасевич рисует свой символический образ города. Герой воспринимает городское пространство как неуютное, обреченное: «ты, город черный, мертво спишь» [10, 195]. Этот «черный», «мертвый» город обречен, здесь нет места гармонии. Такое восприятие города опиралось на поэзию символистов. Повседневность в их творчестве предстает фантастически преображенной, таинственной и призрачной. Достаточно вспомнить цикл В. Брюсова «Urbi et Orbi», где изображен «хмурый город под небом хмурым». Для поэзии Брюсова было характерно романтическое осмысление города, его фантастического существования. Апокалиптические видения «последних дней» преследуют брюсовского героя в этой призрачной и чудовищной повседневности «города» (стихотворения «В дни запустений», «Последний день», «Слава толпе», «Духи огня», «Конь Блед»).

В поэтическом сборнике Ходасевича «Путем зерна» была обозначена структурообразующая концепция возрождения мира через гибель и обновление. Эта концепция восходит к известному пророчеству Христа: «Истинно, истинно говорю вам: если пшеничное зерно, падши в землю, не умрет, то останется одно; а если умрет, то принесет много плода» [Инн. 12: 24]. Эта библейская формула возрождения через смерть становится ключом к пониманию проблематики зрелой лирики Ходасевича.

Сакральная поэтическая формула «путем зерна» репрезентирует все мифопространство сборника, концентрируя в себе одновременно бытовой и символический смыслы. В стихотворении «Путем зерна», открывавшем сборник, сплелись воедино нравственно-психологическая и историко-философская проблематика. Оно было написано в 1917 году под впечатлением судьбоносных событий, произошедших в России. Мотив зерна выражал надежду на духовное возрождение страны:

Так и душа моя идет путем зерна:
Сойдя во мрак, умрет и оживет она.
И ты, моя страна, и ты ее народ,
Умрешь и оживешь, пройдя сквозь этот год...

[12, 137].

Это произведение манифестирует центральные мотивы и образы поздней лирики Ходасевича, символизирующие главные ценности бытия: природу (зерно) – душу – Россию, народ. Соединяя сиюминутное, личное с вечным, Ходасевич стремился найти объяснение и оправдание тем историческим процессам, свидетелем которых ему довелось быть. Гибель и последующее возрождение в тот момент мыслились поэтом как очевидный и единственно возможный путь для его страны.

В связи с появлением этой мифологемы в поэзии Ходасевича представляет особый интерес поэтический диалог с Брюсовым, в который вступает Ходасевич, рецензировавший до этого книгу своего старшего современника «Зеркало теней». В брюсовском сборнике внимание Ходасевича не могло не привлечь стихотворение «Зерно». В этом произведении в качестве субъекта сознания выступает умирающее зерно, сквозь «черный снег» прислушивающееся к звуку ледяного январского ветра, вою голодных волков. Теперь ему не верится в прошлую жизнь, «бредом кажется бывшее», когда «под солнечным лучом / Качалось поле золотое» и зерно было «каплей в море том». Брюсов передает самоощущение зерна: «лежу в могиле, умираю» «и все страшней мой черный сон» [6, Т.2, 26]. Мысль о воскрешении зерна, концепция круговорота жизни отсутствует в стихотворении Брюсова. Ходасевич же формулирует ее достаточно четко, подчеркивая ценность, а не бесплодность зерна: оно «сверкает золотом», «в заветный срок умрет и прорастет».

Проанализировав поэтические системы поэтов, приходим к выводу, что на ранних этапах формирования своей художественной системы Ходасевич обращался к символистской философии

фии и эстетике Брюсова. Однако ранней поэзии Ходасевич чужд брюсовский оптимизм, вера в светлое возрождение жизни. Об этом свидетельствует концепция вымирания мира и человека в этом мире в сборнике Ходасевича «Молодость». Мрак, безысходность, серость, трагичность бытия становятся константами поэтического мира Ходасевича. Символический образ «черного», «мертвого» города, в котором нет места гармонии восходит к символистской трактовке брюсовского городского пространства как места неуютного и обреченного.

В философском сборнике Ходасевича «Путем зерна» появляется сакральная поэтическая формула «путем зерна», реализующая концепцию жизненного круговорота – возрождения мира через гибель и обновление. Эта концепция позволяет выдвинуть главные ценности бытия: природу – душу – Россию, народ. Соединяя сиюминутное, личное с вечным, Ходасевич стремится найти объяснение и оправдание тем историческим процессам, свидетелем которых ему довелось быть. Гибель как условие последующего возрождения в тот момент мыслится поэтом как очевидный и единственно возможный путь для его страны. Брюсов же, создавая свой образ зерна, отвергает путь возрождения.

Перспективным для дальнейших исследований представляется сопоставительный анализ последнего поэтического сборника Ходасевича «Европейская ночь», написанного в период эмиграции, с урбанистической лирикой Брюсова. При этом особого внимания заслуживает проблема утраты себя как личности, которая раскрывается в образе человека-тени, который символизирует положение эмигранта в европейском мире в сопоставлении с проблемой угнетенного человека в лирике Брюсова.

Список использованных источников

1. Богомолов Н.А. Владислав Ходасевич в московском и петроградском литературном кругу / Н.А. Богомолов // Новое литературное обозрение. – 1995. – № 14. – С. 119-130.
2. Бочаров С. «Памятник» / С. Бочаров // Ходасевич В.Ф. Собрание сочинений: в 4 т. – М.: Согласие, 1996. – Т. 1. : Стихотворения. Литературная критика. 1906 – 1922. – С. 5-55.
3. Брюсов В. Год русской поэзии / В. Брюсов // Рус. мысль. – 1914. – № 5. – Отд. III. – С. 20.
4. Брюсов В. Дебютанты / В.Я. Брюсов // Среди стихов: 1894-1924 : Манифесты, статьи, рецензии. – М.: Сов. писатель, 1990. – С. 260-265.
5. Брюсов В.Я. Избранные сочинения / В.Я. Брюсов. – М.: Худож. лит., 1980. – 574 с.
6. Брюсов В.Я. Собрание сочинений: в семи томах / В. Брюсов / [ред. П.Г. Антокольского]. – М.: Худож. литература, 1973-1975.
7. Брюсов В.Я. Среди стихов: 1894-1924 : Манифесты, статьи, рецензии / В.Я. Брюсов / [составление Н.А. Богомолова, Н.В. Котрелева, вступ. ст. и коммен. Н.А. Богомолова]. – М.: Сов. писатель, 1990. – 720 с.
8. Даниелян Э.С. В. Брюсов и Вл. Ходасевич // Брюсовские чтения 1996 г.: сборник статей; [ред. С.Т. Золян]. – Ереван: Лингва, 2001. – С. 205-215.
9. Колкер Ю. Айдесская прохлада: Очерк жизни и творчества В. Ходасевича // В. Ходасевич. Собрание стихов: в 2 т. – Paris: La Presse Libre, 1982-83 – Т. 2. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://yuri-kolker.narod.ru/articles/Aides_Chillness.htm
10. Ходасевич В. Стихотворения / В. Ходасевич: [вступ. стат. Н.А. Богомолова, сост. текста, примеч. Н.А. Богомолова, Д.Б. Волчека]. – Л.: Сов. писатель, 1989. – 469 с.
11. Ходасевич В.Ф. “Juvenilia” Брюсова // Ходасевич В.Ф. Собрание сочинений: в 4 т. / В.Ф. Ходасевич. – М.: Согласие, 1996. – Т.1. – С. 403-406.
12. Ходасевич В.Ф. Собрание сочинений: в 4 т. / В.Ф. Ходасевич. – М.: Согласие, 1996 – Т.1 : Стихотворения. Литературная критика : 1906-1922 / [сост. и коммент. И.П. Андреевой, С.Г. Бочарова]. – 1996. – 591 с.

Summary. Research presents an attempt of analysis of topical continuity and poetic dispute realizing originality of poetic conceptions of the world created in the art systems of such prominent poets of the beginning of the XXth century as V. Brusov and V. Khodasevich. The subject of analysis is to reveal the specificity of functioning of images and reminiscences taken from Brusov's lyrics and represented in the poetry of Khodasevich preceding emigration.

Key words: intertext, aesthetics of symbolism, poetic conception of existence, degeneration of people.